

Тихий, но густой хруст напоминал трение бесчисленных мелких суставов, смещающихся не на свои места. В мёртвой тишине галереи звук многократно усиливался, впивался в уши и вызывал почти физическую дрожь отвращения.

Все головы скульптур повернулись к ним. Пустые каменные и бронзовые глазницы уставились на двоих, оказавшихся в точке пересечения бесчисленных холодных взглядов. Воздух словно застыл. Тяжёлое давление опустилось сверху и оказалось сильнее, чем при любой предыдущей опасности.

Все мышцы Се Циня мгновенно напряглись до предела, адреналин ударил в кровь. Он резко посмотрел на всё ещё стоявшего на коленях Шэнь Юя, который смеялся ему сквозь пальцы, и безымянная ярость вперемешку с ледяным желанием убить ударила в голову.

Этот псих!

Не колеблясь ни секунды, Се Цинь метнулся вперёд. Он не стал тянуть Шэнь Юя за руку — вместо этого со всей силы и без малейшей жалости пнул его в бок!

— Кх! — Шэнь Юй совершенно не ожидал удара. Его отбросило боком, и он врезался в постамент другой скульптуры с глухим стуком. Руки отлетели от лица. Безумная улыбка ещё не исчезла, но к ней примешалось настоящее изумление, отчего выражение стало особенно странным.

И почти в тот же миг, когда Шэнь Юй покинул прежнее место, —

из зеркально гладкого тёмного мрамора, где он только что стоял на коленях, рванулись вверх десятки острых белых каменных шипов! Скорость была такой, что от движения остались только размытые следы! Каждый шип был достаточно острым, чтобы мгновенно пронзить человека насквозь!

Опоздай Се Цинь на полсекунды, и Шэнь Юй уже висел бы на них, как ягоды на шпажках.

Не попав в цель, каменные шипы резко ушли обратно в пол и исчезли. Поверхность снова стала идеально ровной, словно ничего не происходило. Только едкий запах каменной пыли, оставшийся в воздухе после сильного трения, доказывал, насколько опасным был этот миг.

Грудь Се Циня тяжело вздымалась. Он ледяным взглядом смотрел на Шэнь Юя, который медленно поднимался с пола, и процедил сквозь зубы:

— Хочешь умереть — умирай один. Меня за собой не тащи.

Шэнь Юй потёр ушибленный бок, затем потрогал спину, ударившуюся о постамент. Он не рассердился. Наоборот, изумление в глазах быстро сменилось ещё более сильным, горячим

интересом. Он даже облизнул уголок губ, будто смакуя безжалостный удар.

— Се Цинь... — в его голосе появилась странная дрожь, словно от возбуждения. — Ты меня пнул?

Шатаясь, он выпрямился и пошёл к Се Циню, полностью игнорируя скульптуры, которые по-прежнему «смотрели» на них. Его взгляд был намертво прикован к лицу Се Циня, словно он хотел содрать с него кожу, разобрать по костям и проглотить целиком.

— Ты пнул меня, чтобы «защитить»? — повторил он, низко и искривлённо смеясь, с болезненным удовольствием. — Как же я счастлив...

На виске Се Циня дёрнулась жилка. Он окончательно отказался от попыток общаться с этим сумасшедшим и перевёл острый взгляд на скульптуры.

Они только смотрели и больше не атаковали. Видимо, каменные шипы сработали из-за того, что Шэнь Юй начал «подражать» одной из статуй и тем самым активировал какой-то механизм.

— Идём! — тихо рявкнул Се Цинь и, больше не задерживаясь, быстро направился к концу коридора — в сторону Особого выставочного зала, отмеченного алым крестом. Каждый шаг был устойчивым, чувства напряжены до предела; он следил за любым движением под ногами и вокруг.

Шэнь Юй тихо посмеивался и послушно последовал за ним. На этот раз он не устраивал новых выходов, только взгляд по-прежнему прилипал к спине Се Циня — такой горячий, будто мог прожечь дыру.

Чем ближе они подходили к Особому выставочному залу, тем реже встречались скульптуры. Но их формы становились всё более искривлёнными и странными — скорее абстрактными выражениями застывшей боли, чем человеческими фигурами. Запах бальзамирующей жидкости почти исчез, уступив густому смраду старой крови и ржавого железа.

Наконец в конце галереи показалась огромная тяжёлая металлическая дверь чёрного цвета.

Замочной скважины на ней не было. Вместо неё — углубление в форме сердца, по краям испачканное тёмно-красными давно засохшими пятнами. Над дверью той же алой краской был нарисован огромный искривлённый крест.

[Особый выставочный зал].

На стене возле двери висела медная табличка с несколькими строками:

□Здесь выставлена самая совершенная форма утраты.□ □Войти может лишь тот, кто понимает боль «похищения».□ □Предупреждение: любой шум является кощунством.□

— Понимать боль «похищения»? — Се Цинь посмотрел на углубление, вспомнив кровавую надпись в путеводителе. — Боль директора в том, что у него украли сердце...

Шэнь Юй наклонил голову, разглядывая выемку в форме сердца, и внезапно рассмеялся:

— А может, нам нужно понять вовсе не директора?

Холодный палец в воздухе указал на предупреждающую табличку.

— Боль «похищения»... Может, надо понять, почему тому «вору» было настолько больно, что он всё равно обязан был украсть сердце?

Се Цинь нахмурился. Мысли этого психа всегда заходили с невозможного угла, но нередко в них действительно был смысл.

Только как «понять»? И как это доказать?

Он снова посмотрел на углубление в форме сердца. Размер... совсем не подходил к латунному ключу, полученному раньше.

И в этот момент стоявший рядом Шэнь Юй вдруг почти неслышно вздохнул.

В этом вздохе не осталось ни безумия, ни насмешки. Вместо них вдруг прозвучала глубокая, будто накопившаяся за бесчисленные годы... усталость и пустота.

Се Цинь машинально повернулся к нему.

Шэнь Юй смотрел на дверь. На одно мгновение его взгляд стал рассеянным и далёким. В миндалевидных глазах, обычно наполненных шутливостью или безумием, возникла настоящая, почти хрупкая... боль. Эмоция исчезла настолько быстро, что могла показаться иллюзией, тут же скрывшись под новой тенью, но Се Цинь был уверен: он её видел.

И едва этот вздох Шэнь Юя стих —

Щёлк.

Изнутри двери донёсся тихий звук механизма.

Тяжёлая чёрная металлическая дверь без замочной скважины медленно и бесшумно отъехала внутрь, открывая узкую щель.

Из неё хлынул ещё более холодный ветер с запахом древнего тлена и коснулся лиц.

Дверь... открылась сама.

Из-за вздоха Шэнь Юя? Из-за той боли, которая на мгновение проступила в нём?

Сердце Се Циня резко ухнуло вниз. Он впервые посмотрел на Шэнь Юя с такой пристальной настороженностью.

Но Шэнь Юй уже вернулся к ленивому, насмешливому виду, будто Се Циню всё показалось. Он улыбнулся демонически прекрасной улыбкой и указал на приоткрытую дверь:

— Смотри, оно нас пригласило.

За дверью была чистая, густая тьма, способная проглотить любой свет. Даже бледные прожекторы снаружи не проникали внутрь ни на волос. Только ледяной ветер продолжал струиться из проёма.

Се Цинь крепче сжал обломок трубы. Костяшки пальцев побелели. Он посмотрел на Шэнь Юя.

Тот с невинной, полной злого умысла улыбкой сделал жест: «Прошу».

Се Цинь больше не колебался. Глубоко вдохнув ледяной воздух с привкусом ржавчины, он первым боком шагнул в густую тьму.

Под ногой оказалось не твёрдое покрытие, а что-то мягко проминающееся — словно толстый звукопоглощающий ковёр.

Шэнь Юй вошёл следом и лёгким движением закрыл металлическую дверь. Последняя полоска света снаружи исчезла.

Абсолютная тьма. Абсолютная тишина.

Даже собственного сердца не было слышно.

А затем глубоко впереди медленно зажглась слабая, ледяная сине-зелёная точка.

Словно огромный призрачный глаз медленно открылся во тьме.

Свет высветил смутные очертания. Это был круглый зал. Стены, похоже, затягивала чёрная ткань, полностью поглощающая свет. Посередине одиноко стояла стеклянная колонна-витрина.

Внутри было пусто. На основании находилась лишь подставка в форме сердца — тоже пустая.

А рядом с витриной, прямо над полом, висела картина.

Без рамы, словно созданная из света, тумана и теней, она непрерывно текла и менялась.

На ней был изображён... человек со спины.

Одинокая фигура в древней одежде стояла на бескрайней пустоши, заполненной серым туманом, и смотрела вниз на свои пустые ладони. У ног валялись обломки каких-то предметов, настолько выветрившихся и разрушенных, что уже нельзя было понять их первоначальный вид.

От этой спины исходили такие сильные отчаяние и пустота, что они почти становились материальными и давили на грудь, не давая дышать.

Это и есть... самая совершенная утрата?

Автопортрет вора, оставшийся после того, как он похитил сердце?

Взгляд Се Циня словно приклеился к фигуре. Непонятно откуда пришедшая чудовищная скорбь внезапно обрушилась на него и сжала сердце так, что он почти перестал дышать. Это были не его чувства — но они насильно вливались прямо в сознание.

Он резко прикусил язык. Боль вернула хотя бы крупицу ясности.

И тут стоявший рядом Шэнь Юй, глядя на картину, снова очень тихо и медленно... рассмеялся.

В этом смехе не было ни капли печали.

Только почти жестокое, удовлетворённое...

наслаждение.